

ОЦЕНОЧНОСТЬ И ЭМОТИВНОСТЬ В СЕМАНТИКЕ СЛОВА

Статья посвящена рассмотрению дискутируемой в лингвистике на протяжении многих лет проблеме соотношения объективного и субъективного факторов в языке и, в частности, категориям оценочности и эмотивности в их представленности на уровне лексической семантики. Существующий калейдоскоп мнений обусловлен различными взглядами на природу оценки и ее взаимосвязь с выражением эмоционального отношения говорящего.

Согласно традиционному подходу к решению данного вопроса оценочность, эмотивность и экспрессивность объединяются в единый коннотативный блок семантики лексической единицы. Это в определенной степени противоречит природе названных явлений, исходя из которой, а также из рода представляемой данными компонентами информации, и должно определяться их соотношение и место в структуре лексической единицы. Согласно данному подходу, поддерживаемому авторами статьи, оценочность и эмотивность разводятся как восходящие соответственно к оценочной и эмоциональной деятельности человека, которые в свою очередь представляют собой самостоятельные системы. При этом чистая оценка, не осложненная эмоциональным отношением, базируется на когнитивных функциях сознания, то есть имеет рациональную основу. Эмоции относятся к психической сфере, хотя и связаны тесно с пре-, пост- и метакогнитивной оценочной деятельностью человека.

На основании этого делается вывод, что оценка в языке как результат интерпретативной деятельности сознания дает информацию о сущностных признаках объекта, тогда как эмоционально окрашенные выражения – об эмоциональном отношении говорящего. Следуя данной логике, оценочность и эмотивность как семантические компоненты лексической единицы должны относиться к различным блокам информации: оценка тяготеет к денотативному блоку (как дающему представление о сущностных качествах объекта речи), эмотивность – к коннотативному (как дающему дополнительную информацию о говорящем). При этом обе категории, обладая семантическим статусом, противопоставляются экспрессивности как категории, относящейся не к плану содержания, а к плану выражения. В статье представлен широкий обзор имеющихся точек зрения на обсуждаемую проблему и их критический анализ.

Ключевые слова: объективное, субъективное, коннотация, оценочный, эмоциональный, эмотивный, оценка

Основой многих теорий языка и мышления, объединенных сегодня под названием классического подхода, стала укоренившаяся в западной философии после Декарта дуалистическая традиция, в соответствии с которой мир разделен на две самостоятельные и независимые субстанции: протяженную и мыслящую. Несмотря на общий детерминизм в объяснении субстанциональной области Универсума в рамках данного подхода традиционно выделяются два направления, условно обозначаемые как объективистское и субъективистское в зависимости от постулирования в качестве Универсума внешнего («объективного») мира или внутреннего мира человека. Согласно первому направлению, внешний мир детерминирует сознание человека, которое на основе информации из окружающей среды конструирует образ (репрезентацию) внешнего мира. Согласно второму, «универсум есть внутренний мир человека, настолько отличающийся от внешнего, что этот внешний мир, по сути, не познаваем, а наше представление о нем жестко детерминировано априорными категориями»

[13, с. 240]. Следует отметить, что долгое время в Науке превалировала объективистская позиция (поддерживаемая, в частности, марксистской теорией познания), предопределившая существующее в языке противопоставление объективного, то есть относящегося к внешнему миру, субъективному – относящемуся к миру внутренних переживаний человека.

Во многих философских и лингвистических работах «субъективное» и «объективное» противопоставляются в плане «эмоционального» и «рационального/интеллектуального». Это противопоставление связано в свою очередь с дискуссией о первичности в оценочном суждении эмоционального или рационального начал. Ответ на данный вопрос обусловлен, с одной стороны, исходными позициями ученых в отношении характера детерминируемости внешнего – окружающего и внутреннего – психического мира человека. С другой стороны, различия в понимании соотношения эмоционального и рационального в языке связаны с различными точками зрения на природу эмоций.

Разделение когнитивной и эмоциональной сфер, сферы мышления и сферы чувств имеет очень долгую культурную традицию: обобщенный современный европейский образ человека во многом сформирован радикальным дуализмом между духом и телом, разумом и чувством. Чувства часто рассматриваются как элементарные базисные реакции, которые как бы возникают внутри человека, в то время как мышление определяется как рефлексивный процесс, стоящий над чувствованием и содержащий осознанные компоненты.

Если эмоциям в большинстве теорий и приписывается какое-либо влияние на когнитивные процессы, то подчеркивается исключительно их дезорганизующее воздействие (см. [8, С. 215]. В то время как процесс познания классифицируется принципиально как рациональный, эмоциям в большинстве своем приписывается признак иррациональности.

Однако тот факт, что когнитивные процессы в значительной степени подвергаются влиянию эмоциональных факторов, уже давно подтвержден на опытно-экспериментальном уровне (см., например, [26]). И все же, несмотря на это, упорно продолжает существовать мнение, что процесс познания должен пониматься как независимый от эмоциональных компонентов, что языковая переработка и когнитивные процессы являются автономными и независимыми от чувств феноменами. В определенном смысле мы имеем дело с парадигматическим стереотипом «эмоции не значимы для когнитивных феноменов», который существует на протяжении столетий, в том числе и в виде теоретически закрепленных аксиом.

В ответе на вопрос, что представляют собой эмоции как феномены, мы придерживаемся позиции, согласно которой эмоции представляют собой ментальные системы знаний и оценки (см., например, [17], [29]).

Как системам знаний эмоциональным концептам присущи пре-, пост- и метакогнитивные оценочные функции: эмоции могут инициировать процессы мышления или напротив быть вызваны когнитивными процессами. К тому же когнитивная деятельность часто (метакогнитивно) сопровождается оценочными эмоциональными процессами [29, С. 109 – 117]. С нашей точки зрения, Эмоциональное и когнитивное

представляют собой две различные системы, которые, однако, работают не независимо друг от друга, а обнаруживают взаимодействие разного рода, основываясь на одних и тех же фундаментальных принципах хранения информации в памяти и управления вниманием.

Оценочная деятельность человека и оценка как ее результат базируются на интерпретативной деятельности сознания, представляя собой ментальный процесс, заключающийся в сравнении предметов, сопоставлении их свойств относительно имеющихся норм, стереотипов и ценностных установок, то есть могут квалифицироваться как специфическая разновидность познавательной/когнитивной деятельности человека.

В отечественной лингвистике проблема соотношения эмоционального и рационального рассматривается, прежде всего, в рамках теории эмотивности и проецируется в ней на взаимосвязь эмоционального и оценочного компонента в семантике слова и шире – на соотношение эмоции и оценки в языке [8], [15], [18], [19], [23], [24].

Интересны в связи с проблемой описания эмоциональных состояний наблюдения Е.М. Вольф. Она обращает внимание на то, что когнитивные факторы для именованной эмоции столь же существенны, как и физиологические, и рассматривает более подробно связь между эмоцией и мнением. Логически необходимым условием всякой эмоции, имеющей объект, является, по ее мнению, определенный тип мысли. При этом каждый вид эмоции свойственен определенному типу мысли. Существуют, однако, эмоции, которые не имеют объектов, вызываются как бы «изнутри» субъекта, такие, как, например, эйфория и апатия. Тем не менее, и в их основе, как считает ученый, лежат мнения субъекта, его сомнения и т. п. [8, С. 217 – 219].

Е.М. Вольф рассматривает также взаимодействие эмоционального и ментального состояний на основе анализа употребления эмотивных и ментальных предикатов и приходит к выводу, что чисто эмоциональных предикатов не существует, все они включают в том или ином виде ментальный, рациональный компонент [там же, С. 217 – 219]. Этот вывод представляет широко распространенное в отечественной лингвистике мнение (см. [3], [14]),

согласно которому рациональный оценочный компонент является приоритетным, а эмоциональный компонент вторичен, поскольку язык как таковой всегда предполагает рациональный аспект: «никакая эмоциональная оценка, не прошедшая через фильтр сознания, не может быть непосредственно выражена в системе языка» [14, С. 143]. Указывая на условность разделения в языке чисто рационального и чисто эмоционального, Вольф, тем не менее, признает, что «способы выражения двух видов оценки в языке различаются, показывая, какое начало лежит в основе суждения о ценности объекта, эмоциональное или рациональное» [8, С. 40].

На наш взгляд, существующий калейдоскоп мнений по данной проблеме обусловлен не совсем правомерной ее постановкой. С одной стороны, в языке противопоставляются, являясь, таким образом, соотносимыми, «рядоположенными» категории оценочности и эмоциональности/эмотивности как способы выражения соответственно оценочного или эмоционального отношения человека к объекту высказывания, а с другой, уже в рамках оценочности ведутся поиски доказательств преобладания эмоционального или рационального компонентов в структуре оценки, что определяет в этом случае статус эмоциональности как составной части оценочности. Но если выделять эмоцию как самостоятельный психический феномен, как реакцию человека на воздействие окружающей среды и аналогично оценку как результат познания окружающего мира и далее их выражение в языке, то, пожалуй, правильнее было бы говорить об оценке или эмоции как таковых и оценке, сопряженной с эмоциональной реакцией человека. Можно предположить, что чистая (= рациональная) оценка встречается в деятельности человека чаще, чем чистая эмоция (эмоция, не связанная в своем возникновении с оценочной деятельностью человека, например, удивление, лишенное знака + / -), – факт, вероятно, повлиявший на выделение категории эмоциональной оценки, поскольку все же большая часть эмоций базируется, с нашей точки зрения, на оценочной деятельности сознания и имеет знак «+» или «-».

Решение данной проблемы осложнено, разумеется, тесной спаянностью оценки и эмоции в языковом выражении. Широко распростра-

нена точка зрения, согласно которой оценочность имеет коннотативную природу, однако этот вопрос весьма неоднозначно понимается в лингвистических работах разных временных периодов. Эта проблема получила развитие уже в 70-ых годах XX столетия в трудах таких лингвистов, как: С.Д. Кацнельсон, Г.В. Колшанский, Л.А. Киселева. Следует отметить, что в более ранних исследованиях прослеживается тенденция к четкой дифференциации оценочности, эмоциональности и экспрессивности. В лингвистических работах по данной проблеме последних десятилетий XX и начала XXI века [3], [7], [9], [20], [22] утверждается точка зрения о тесной спаянности и неразрывности эмоционального и оценочного компонентов, которые часто рассматриваются как единый эмоционально-оценочный компонент: «Как правило, оценочность <...> и эмоциональность <...> не составляют двух разных компонентов значения, они едины, как неразрывны оценка и эмоция на внеязыковом уровне» [22, С. 65]. Учитывая, однако, общепризнанный сегодня факт, что на внеязыковом уровне оценка вполне может существовать и без эмоции, логика последнего высказывания приводит к совершенно противоположному утверждению относительно соотношения оценочного и эмоционального компонентов. Признавая действительно тесную связь этих двух явлений, мы все же придерживаемся той точки зрения, что оценки и эмоции представляют собой различные ментальные пространства, имеющие обширное поле пересечения характеристик, но отличающиеся по своим онтологическим параметрам.

Проблема места оценочного компонента в структуре языкового знака осложняется неким разнобоем в понимании сути коннотации и статуса коннотативного макрокомпонента в рамках теории лексического значения слова. Определение коннотации как семантической сущности, выражающей эмоционально-оценочное и стилистически маркированное отношение говорящего к действительности / служащей для выражения эмоционально-экспрессивной окраски и т.п. [4, С. 203], [18, С. 5], не раскрывает сути этого явления, а отсылает к другим языковым явлениям, не предоставляя критерия, на основании которого выше названные феномены могут быть отнесены или не отнесены к коннотации.

К тому же сам статус коннотации определяется по-разному. Часть ученых определяет коннотацию как компонент семантической структуры слова [10], [18], [21], [24], другие же отказывают ей в семантическом статусе, определяя ее как стилистическое явление [2], [11]. В этом споре мы однозначно придерживаемся первой точки зрения, считая коннотацию семантической категорией.

Большинство исследователей признает за информацией, относимой к коннотативной, статус второстепенной, факультативной, дополнительной к предметно-логическому регистру значения. Вместе с тем, существует и иная точка зрения, согласно которой «коннотативный компонент семантики языковой единицы является равноправным компонентом ее семантической структуры» [6, С. 2]. Такое понимание коннотации обосновывается ее сторонниками тем, что «мы понимаем и чувствуем одновременно, так как оцениваем и переживаем одновременно с названием объекта оценки» [23, С. 12].

Если же исходить из внутренней формы слова коннотация (connotare (лат.) – ‘со-замечать’), то под этим термином следует понимать дополнительную к денотативно-сигнификативной информацию разного рода, не выраженную формально в языковом знаке и имеющую статус выводного знания. Коннотации не входят в денотат и не мотивированы логически. Эта точка зрения представлена и обоснована в более поздних работах В.Н. Телия о макрокомпонентном представлении значения номинативных единиц языка [19]. В разработанной ею модели декларативно-процедурной формы значения выделяется дескриптивно-ориентированный блок информации, процедуры осознания которой обеспечиваются операциями, связанными с референцией. Данному блоку, являющемуся базовым для всех остальных знаковых процедур, противопоставляются остальные блоки значения, обозначаемые как прагматически ориентированные и объединяемые термином «коннотация». К коннотативным компонентам плана содержания языковых сущностей в рамках данной модели относятся наряду со сведениями, соотносимыми с ассоциативно-фоновым знанием говорящих и стилистическими регистрами, сведения, соотносимые с рационально-оценочным и эмоционально-оценочным отно-

шением говорящего к обозначаемому. Относя, с одной стороны, оценку к коннотации и различая рациональную и эмоциональную оценки, В.Н. Телия в то же время подчеркивает, что данные виды оценок четко разводятся по двум семантическим полюсам: рациональная тяготеет к дескриптивному аспекту значения (денотативному макрокомпоненту), а эмоциональная выражается в коннотативном макрокомпоненте, поскольку «со-характеризует» [18, С. 31].

Раздвоенное понимание природы оценочного значения – приписывание его и денотативному, и коннотативному компонентам одновременно – связано с упомянутой выше традицией объединения эмоции и оценки в единую сущность, эмоциональную оценку, и противопоставления ее оценке рациональной. Рассматривая оценочность и эмотивность (= языковую реализацию эмоций) как самостоятельные языковые сущности, мы, вопреки традиционному взгляду, полагаем, что оценочность следует относить к денотативно-сигнификативной сфере семантики языкового знака (см. также [12], [28]), поскольку и в случае общей, и в случае частной оценки она отсылает к информации о свойствах, признаках, характеристиках объекта обозначения. Это обстоятельство объясняется самой структурой оценки, компонентами которой являются, в том числе и аспект, и основание оценки. Так, например, в лексическом значении русского слова умница и немецкого Dummkopf денотативно-сигнификативный компонент, то есть часть значения, определяемую процедурами, связанными с категоризацией действительности на основе типового представления об обозначаемом, составляют семы умный, прилежный, всегда все правильно делающий человек и „jmd., der sich in ärgärlicher oder zu kritisierender Weise dumm, unvernünftig verhält“ [26, С. 190]. Но все эти семы-признаки однозначно маркированы как положительные или, соответственно, отрицательные, и факт оценивания осуществляется выбором самого слова.

Этой же логики придерживается, на наш взгляд, Г.В. Колшанкий в своих рассуждениях о субъективности в языке: «Даже такие весьма распространенные слова, как «лицо», «чело», «морда» и т. п., достаточно ярко демонстрируют различие в своем содержании, которое в первом случае представлено здесь одним денотатом, а

во втором случае – другим. Так, денотатом слова «лицо» является обозначение физической части тела человека, в то время как денотатом слов «чело», «морда» является обозначение не просто физической части тела, а совокупности определенных черт лица. То же самое можно сказать и о таких словах, как «глаза» и «очи»: денотатом первого является орган зрения, денотатом второго – совокупность определенных черт этого органа (большей частью связанных с признаком красоты)» [14, С. 121]. К понятийному содержанию относит оценку (в терминологии автора – оценочную модальность) и Н.Ф. Алевиренко, считая, что признаки, представленные в семантике слова оценочными семами, присущи самому предмету номинации [1, С. 168].

В отличие от оценочного эмотивный компонент значения не несет информации о предмете обозначения, а связан исключительно с выражением эмоционального отношения говорящего и как таковой относится к коннотации. Большой частью эмотивность присутствует в лексических значениях, содержащих оценочные семы, что объясняется знаком эмоции, вызванной оценочной деятельностью сознания. Так, к денотативно-сигнификативному макрокомпоненту метафорического выражения ‚змея подколотная‘ (ср. нем.: *falsche/listige Schlange*) относятся такие признаки, как коварный, неискренний в своих поступках человек, являющиеся оценочными по своей сути и рождающиеся как результат пересечения двух концептуальных областей (в смысле теории блендинга). При нейтральном эмоциональном отношении, которое, как правило, обусловлено отсутствием личного интереса к происходящему, говорящий выберет для характеристики человека, действующего коварно, за спиной другого, соответствующее прилагательное: в русском – коварный, в немецком – *hinterlistig*. Содержание денотативного макрокомпонента прилагательного ‚коварный‘, и выражения ‚змея подколотная‘, и, соответственно, выражений ‚*hinterlistig*‘ и ‚*listige Schlange*‘, на наш взгляд, одинаковое, как и оценка. Однако последние отличаются от первых своей эмотивностью за счет все еще яркого образа – змеи, вызывающей в сознании как русского, так и немецкого человека такие эмоции как отвращение, ненависть. Именно этот образ позволяет говорящему выразить, а слушающему испытать

это чувство-отношение. Подтверждение данной точки зрения мы находим у А. Вежбицкой, представляющей сигнификативный и коннотативный аспекты значения слова с помощью метаязыка – определенной рамки, или фрейма: коннотативный аспект включен, по ее мнению, в модальную рамку «Я чувствую», а сигнификативный – в модальную рамку «Я хочу сообщить» [30, С. 146]. Используя этот принцип для объяснения структуры выражения змея подколотная, используемого для обозначения человека, мы получим две рамки: 1. Я хочу сообщить, что этот человек коварен; 2. Я чувствую к нему отвращение (ср. [28, С. 27 – 31]).

В.Н. Телия [18] различает в этой связи в общей эмоциональной (психологической) оценке два вида: собственно эмоциональную как прямое выражение эмоций, как правило, посредством междометий и интонационных выделений и эмотивную как побуждающую испытать некоторое чувство-отношение посредством образа-стимула. В качестве примера приводится пара предатель – Иуда [там же, С. 61]. На наш взгляд, речь здесь, скорее всего, следует вести о выразительности/экспрессивности языкового знака и, соответственно, об интенсивности переживаемой эмоции, которая может отсутствовать, и в этом случае мы имеем дело только с оценкой (обозначаемой в традиционном подходе как рациональная оценка), или быть слабой или сильной, требующей, соответственно, языковых выражений большей или меньшей экспрессивности.

На разную природу оценочности и эмоциональности указывает также Н. Фрис. Признавая связь эмоции и оценки, он в то же время исследует неэмоциональные, когнитивные оценки [27, С. 2]. Автор работы утверждает, что эмоциональную оценку нельзя объяснить описательно, так как в этом случае речь не идет о реальных свойствах. При этом эмоциональная оценка, по его мнению, не должна рассматриваться автономно от фактического знания: „<...> zweitens handelt es sich bei emotionalen Bewertungen um solche, die (unter anderem) unser Faktenwissen mit unseren Bedürfnissen vermitteln, d.h. in einer Interdependenzrelation zu Wissen über Fakten einerseits und zu Wissen über Bedürfnisse andererseits stehen (...)“ (Курсив – авт.) [там же, С. 10].

В отличие от названных выше, экспрессивный компонент, часто так же относимый к коннотации, не имеет, на наш взгляд, семантического статуса, поскольку относится не к содержанию лексического знака, а к его форме. Экспрессивность есть форма выражения некоего содержания, как правило, атрибут эмоциональной речи. Существующие точки зрения на природу экспрессивности и ее место в структуре лексического значения не отличаются единством. Широко распространена позиция, согласно которой экспрессивность наряду с эмоциональностью и оценочностью, а также образностью составляет центральный компонент семантики языковой единицы [1, С. 161]. На наш взгляд, подобное, хотя и традиционное, объединение феноменов разной природы является неправомерным, – точка зрения, существующая и ранее, но все чаще звучащая в современных работах [16],[21], [28]. В этой связи следует обратить внимание на отсутствие однозначного соответствия между названными категориями.

Таким образом, эмотивность как характеристика языкового знака, обеспечивающая его возможность функционировать в речи как средство выражения эмоций, предопределяет наличие в семантической структуре эмотивного компонента, относящегося не к объекту референции, а к эмоциональной сфере говорящего и, следовательно, имеющего коннотативную природу.

Оценочность в этом отношении есть свойство языкового знака, предопределяющая его способность служить в речи средством выражения оценки, касающейся сущностных сторон объекта референции, и потому связанной с денотативным содержанием лексической единицы.

Эмотивный и оценочный компоненты есть элементы содержания.

Экспрессивность есть характеристика языкового знака, касающаяся не его содержательной стороны, а его формы и существующая в дихотомии `нейтральность – экспрессивность`. Экспрессивность всегда имеет место быть там, где говорится о высокой интенсивности признака (в широком смысле слова).

Таким образом, подчеркивая условность разделения в лексическом значении понятийного, оценочного и эмоционального содержания, мы придерживаемся позиции, согласно которой оценочность как блок информации тесным образом связана с референциальной стороной языкового знака, что обусловлено связью оценки с квалификативной функцией сознания, в то время как эмотивный компонент информирует об эмоциональном состоянии говорящего, не касаясь напрямую сущностных признаков объекта номинации, и как таковой принадлежит коннотативному компоненту. Следовательно, языковые выражения, содержащие оценочную сему в сигнификативно-денотативной части значения, реализуют интеллектуально-логическую оценку, оценку «в чистом виде»; присутствие наряду с оценочной семой в ядерной части эмотивной семы в поле коннотации ведет к выражению одновременно и эмоции и оценки: оценочная сема связана с сущностной стороной обозначаемого объекта, эмотивная – с переживаемой говорящим эмоцией. Эта же логика прослеживается в позиции Ш. Балли, обозначавшего слова и выражения, передающие оценку субъективно-характера, относящуюся к собственному Я, как пейоративные и мелиоративные, и противопоставлявшего их лексемам, обозначающим те же самые понятия, но в форме объективных рассуждений, которые он обозначал как положительные или отрицательные [5, С. 208].

2.10.2015

Список литературы:

1. Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики: монография / Н.Ф. Алефиренко. – Москва: Гнозис, 2005. – 326 с.
2. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – Москва: Наука, 1974. – 367 с.
3. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – Москва: Наука, 1988. – 431 с.
4. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – Москва: УРСС: Едиториал, 2004. – 571 с.
5. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – Москва: Изд-во иностранной литературы, 1961. – 295 с.
6. Булдагов, В. А. Стилистически сниженная фразеология и методы ее идентификации (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.А. Булдагов. – Калинин, 1982. – 16 с.
7. Васильев, Л.М. Современная лингвистическая семантика: учебное пособие / Л.М. Васильев. – Москва: Высшая школа. – 1990. – 175 с.
8. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – Москва: КомКнига, 2006 (1985). – 280 с.
9. Гак, В. Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста / В.Г. Гак // Вестник МГУ. – 1997. – № 3, сер. 9. – с. 87 – 95.
10. Зайнуллина, Л.М. Лингвокогнитивное исследование адекватной лексики (на материале английского, русского, башкирского, французского и немецкого языков) / Л.М. Зайнуллина. – Уфа: РИО БашГУ, 2003. – 256 с.

11. Иорданская, Л.Н. Коннотация в лингвистической семантике / Л.Н. Иорданская, И.А. Мельчук // Wiener Slawistischer Almanach. – 1980, Bd. 6. – S. 191 – 210.
12. Касьянова, Л.Ю. Оценочная семантика нового слова / Л.Ю. Касьянова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 9. – с. 45 – 51.
13. Колмогорова, А.В. Языковое значение как структура знания и опыта / А.В. Колмогорова // Studia Linguistica Cognitiva. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – Москва: Гнозис, 2006. – с. 240 – 256.
14. Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г.В. Колшанский. – Москва: КомКнига, 2005 (1975). – 232 с.
15. Мягкова, Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования / Е.Ю. Мягкова. – Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 1990. – 120 с.
16. Ромашина, О.Ю. Эмоциональная коннотация как особый вид деятельности языкового сознания / О.Ю. Ромашина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 6. – с. 145 – 150.
17. Степанов, Ю.С. В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства) / Ю.С. Степанов. – М., 1997. – 335 с.
18. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – Москва: Наука, 1986. – 143 с.
19. Телия, В.Н. О различии рациональной и эмотивной /эмоциональной оценки / В.Н. Телия // Функциональная семантика: Оценка, экспрессивность, модальность. In memoria Е.М. Вольф. – Москва: Институт языкознания РАН, 1996. – с. 31 – 38.
20. Трипольская, Т.А. Эмотивно-оценочная лексика в антропоцентрическом аспекте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т.А. Трипольская. – СПб, 1999. – 37 с.
21. Филиппов, А.В. К проблеме лексической коннотации / А.В. Филиппов // Вопросы языкознания. – 1978. – № 1. – с. 57 – 63.
22. Цоллер, В.Н. Экспрессивная лексика: Семантика и прагматика / В.Н. Цоллер // Филологические науки. – 1996. – №6. – с. 63 – 71.
23. Шаховский, В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: уч. пособие к спецкурсу / В.И. Шаховский. – Волгоград: ВГПИ им. А. С. Серафимовича, 1983. – 94 с.
24. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – Воронеж: Воронежск. ун-т, 1987. – 208 с.
25. Domasio, A. Ich fühle also ich bin. Die Entschlüsselung des Bewusstseins / A. Domasio. – Berlin: List, 2000. – 455 с.
26. DBW – Duden Bedeutungswörterbuch. – 2., völlig bearb. u. erweitert. Auflage. Herausgegeben von W. Müller. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1985. – 797 S.
27. Fries, N. Emotionen. Experimentalwissenschaftliche und linguistische Aspekte / N. Fries // Sprache und Pragmatik. – 1991. – № 23. – S. 32 – 70.
28. Havryliv, O. Pejorative Lexik. Untersuchungen zu ihrem semantischen und kommunikativ-pragmatischen Aspekt am Beispiel moderner deutschsprachiger, besonders österreichischer Literatur / O. Havryliv. – Frankfurt a. Main, 2003 – 155 S.
29. Schwarz-Friesel, M. Sprache und Emotion / M. Schwarz. – Tübingen, Basel: A. Francke Verlag, 2007. – 401 S.
30. Wierzbicka, A. Problems of expression: Their place in the semantic theory / A. Wierzbicka // recherches sur les systemes Signifiants. Symposium de Varsovie 1968. – The Hague: Mouton, 1973. – S. 145 – 164.

Сведения об авторах:

Солодилова Ирина Анатольевна, декан факультета филологии и журналистики
Оренбургского государственного университета, доктор филологических наук, доцент
E-mail: solodilovaira@gambler.ru

Шепеля Ирина Васильевна, магистрант факультета филологии и журналистики
Оренбургского государственного университета
E-mail: ffj@mail.osu.ru

460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13